

В. Ю. АПРЫЩЕНКО

ДЭВИД ЮМ И БРИТАНСКАЯ ЮНИОНИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Юнионистские взгляды Дэвида Юма рассматриваются в широком контексте шотландского Просвещения. Эти воззрения показаны как результат идеологических и социальных сдвигов, произошедших на протяжении XVIII века. Среди важных факторов, формирующих социокультурный контекст юнионизма, называются религиозная динамика, связанная с изменениями в пресвитерианизме (появление и развитие модератизма), а также традиции историописания, отражающие трансформацию шотландской национальной идентичности.

Ключевые слова: Дэвид Юм, юнионизм, национализм, модератизм, Просвещение шотландское, уния 1707 г., пресвитерианизм, идентичность национальная.

В 1757 г. Дэвид Юм сформулировал вопрос, вызывавший споры и сомнения у многих его современников. «Разве это не странно, – вопрошал он, – что в ту пору, когда мы лишились наших правителей, парламента и правительства, даже самого присутствия нашей знати во власти, когда мы озабочены нашим акцентом и произношением, демонстрирующими наш крайне испорченный диалект, так вот, разве не странно, что, несмотря на все это, мы действительно представляем собой народ, выдающийся по своему вкладу в европейскую литературу?». Концепт «выдающегося вклада» был тем, что на протяжении всего XVIII столетия отличало шотландских интеллектуалов, как тех, кого традиционно принято ассоциировать с Просвещением, так и тех, кто не имеет непосредственного к нему отношения. При этом особенностью шотландской просветительской традиции было то, что, помимо глубоких интеллектуальных корней, она питала себя и в юнионистской традиции.

Сегодня мало, кто оспорит тот факт, что на протяжении последних трех столетий юнионизм является доминирующей идеологией в Шотландии, находя свое выражение и в политических практиках, и в традиции историописания, и в интеллектуальной культуре в целом. Хотя и утверждающееся нелегко, юнионистское направление интеллектуальной жизни постепенно завоевывало признание, определяя не только область англо-шотландских отношений, но и многие другие сферы жизни северо-британского общества, будучи значимым и для остальной Британии. Однако верно и то, что истоки этого интеллектуального течения не столь просты и находятся в гораздо более ранних исторических слоях,

чем сама парламентская уния 1707 г. Но именно парламентский союз, спровоцировавший многочисленные дискуссии, окончательно сформировал юнионистские историописательские практики.

Другой особенностью шотландского интеллектуального контекста, в котором происходило распространение просветительских идей, был высокий уровень образованности, что ставило нацию в числе первых по уровню грамотности в Европе. Еще в 1560 г. Джон Нокс в «Первой книге порядка» призвал к формированию национальной системы образования в Шотландии, и хотя это не имело никаких институциональных последствий в XVI веке, целый ряд парламентских актов следующего столетия вылился в становление основ шотландской образованности. Акт 1616 г., дополненный в 1633 г., не только привел к формированию нескольких десятков приходских школ в равнинной Шотландии, но, очевидно, хотя и не в такой значительной степени, сказался на образовательной ситуации в Хайленде¹. Пришедшая на смену епископальному правительству власть, в образовательном вопросе следовавшая политике своих предшественников, также приняла целый ряд действий (акты 1646 и 1661 гг.), но закон 1633 г. реализовывался наиболее последовательно. В результате уже к середине XVII века в каждом шотландском приходе появилась школа с постоянным учителем. И хотя по большей части это было крайне примитивное образование, включавшее лишь обучение чтению и письму, его бесплатный характер открывал возможности грамотности для многих молодых людей.

Хотя современные историки спорят и по вопросу о практической реализации образовательных актов, и по проблеме, связанной с вовлеченностью в этот процесс горных регионов Шотландии, несомненным остается одно – уровень грамотности в Шотландии был к концу XVIII в. выше, чем в других европейских странах. Английский наблюдатель с удивлением отмечал, что, несмотря на бедность, в основном жители Шотландии все обучены читать. По некоторым подсчетам уровень грамотности среди мужского населения Шотландии в 1720 г. равнялся 55%, а в 1750 г. достигал уже 75%, по сравнению с 53% в Англии², а в 1790 г. каждый ребенок в возрасте около восьми лет в Клейше, в Кинросшире мог читать и читал хорошо. На протяжении XIX в. эта тенденция была продолжена. Так в 1855 г. в Шотландии могли расписываться 89% мужчин и 77% женщин; в Англии эти цифры выглядели

¹ The Register of the Privy Council of Scotland.... Vol. X. P. 671–672; The Acts of the Parliaments of Scotland... Vol. V. P. 21.

² *Herman*. 2001. P. 23.

соответственно 70% и 59%. А если из этих подсчетов исключить гэллоговорящий север Шотландии, то процент будет еще выше. Интересно и то, что некоторые женщины в Шотландии в XIX в. могли написать свое имя на шотландском, английском и валлийском языках³. И только к 1880 г. англичане по уровню грамотности догнали северных соседей.

Все это означало, что в Шотландии сформировалась достаточно широкая аудитория не только для восприятия Библии, что лежало в основе идей Нокса, впервые призвавшего к распространению образованности, но и другой литературы. В то время как религиозная цензура в XVIII веке идет на спад, одновременно повышается и уровень образованности. В результате шотландские интеллектуалы писали свои произведения не только в расчете на своих коллег по клубам и обществам, но и для более широкой публики, а в ее распоряжении имелись библиотеки, которыми к 1750 г. обзавелся каждый город.

Обыденное представление о европейском Просвещении рисует его в качестве аристократической салонной культуры, воспевающей разум и смех, разоблачающей автократию и феодальные порядки. Вольтер, посещающий Фридриха Великого, Дидро, издающий «Энциклопедию» и путешествующий ко двору Екатерины Великой, Жан-Жак Руссо, чьи воззрения стали идейной основой Французской революции – как правило, наиболее яркие имена и события века Просвещения ассоциируются с Францией. Вероятно, это не совсем справедливо, поскольку шотландское Просвещение хотя и было менее изящным, но представляло собой более определенный и оригинальный комплекс идей, и – что, возможно, еще более важно – оказало большее влияние на современников. Среди впечатляющего перечня наиболее известных произведений шотландских просветителей, две темы занимают особое место – это исторические представления и рассуждения о человеческой природе. При этом шотландцы были первыми, кто объединил эти проблемы, представив человека в качестве продукта исторического развития, в котором черты, присущие людям постоянно развивались и эволюционировали, вслед за динамикой самого общества. Полагая человека в качестве продукта окружающей среды, шотландцы тем самым объясняли и мир, и изменения, в нем происходившие.

Сам социокультурный контекст, в котором формировались идеи шотландского Просвещения, делал его особенным явлением. Эдинбург, являвшийся центром новой интеллектуальной культуры, отличался как

³ *Anderson*. 1983.

от шотландского Глазго, более практичного и коммерчески ориентированного, так и от Лондона или Парижа, которые также стали центрами просветительского движения, но более связанными с салонной аристократической культурой. В отличие от других европейских столиц, в большей или меньшей степени затронутых просветительским влиянием, культурная жизнь Эдинбурга не определялась салонами, власть имущими покровителями или государственными институтами. Гораздо больше она зависела от самодостаточного круга интеллектуалов, в процессе личного общения определявших просветительский дискурс и называвших себя «литераторы». К середине XVIII в. их объединения были достаточно демократическими кружками и представляли собой общества, в которых положение и авторитет определялись, скорее, интеллектуальными способностями, чем социальным статусом, и где серьезные вопросы «свободно обсуждались джентльменами, близко знавшими друг друга и находившимися в приятельских отношениях».

Шотландский просветительский дискурс равенства являлся отражением эгалитаристской традиции, восходящей к клановому родству. Идея бондов и ковенантов, которые связывали людей разных социальных положений и постулировали их взаимные обязательства, демонстрировала себя не только в социальных и политических практиках, но была важной составляющей и интеллектуальной среды. В просветительской реальности Эдинбурга это находило выражение в том, что практически все образованные жители столицы знали друг друга, проживаясь вдоль главной улицы и ежедневно встречаясь в близлежащих тавернах. Соседями Дэвида Юма были Уильям Робертсон, Уильям Фергюсон, Алан Рамсей и другие литераторы, образовывавшие своего рода интеллектуальную колонию, в основе которой лежали неформальные дружеские связи.

Привычка Дэвида Юма вести интеллектуальные беседы за обедом или ужином с Генри Хоумом, лордом Кеймсом, отражала общее для всех шотландских просветителей стремление к неформальному общению. Любовь к хорошей еде и выпивке, по мнению одного наблюдателя, была характерной чертой представителей шотландского интеллектуального класса, которым были не чужды земные радости. Как только колокол собора Сент-Джайлс отбивал половину двенадцатого, время известное в Эдинбурге как «меридиан», отмечал современник, массы горожан отправлялись в близлежащие пабы, чтобы выпить эля, хотя многие из них уже совершали такие же визиты несколькими часами ранее. Во время таких посещений велись деловые переговоры, подписыва-

вались юридические документы, заключались соглашения о предстоящих в университете лекциях, и многие интеллектуальные течения берут начало именно в этих дискуссиях в эдинбургских тавернах. Споры на политические или религиозные темы редко случались без кружки эля на столе, и после таких бесед каждый возвращался в свой офис. Лорд Кеймс, близкий друг Дэвида Юма, в 1752 г. назначенный судьей Шотландского Верховного гражданского суда, а с 1762 г. ставший лордом юстиции, послеобеденные судебные заседания часто проводил в приподнятом настроении.

Несмотря на то, что шутя шотландцы называли себя «двухбутылочными» или «трехбутылочными», в зависимости от того, сколько бутылок кларета выпивали за один раз, в большей степени их групповая идентичность была связана с интеллектуальными обществами и клубами, такими как «Вторничный клуб», «Покер-клуб», «Устричный клуб», но наибольшим влиянием пользовалось «Избранное общество», членом которого являлся Юм. Основанный в 1754 г., на протяжении десяти лет этот клуб являлся центральной площадкой, на которой республикански настроенные шотландские просветители обсуждали дискуссионные вопросы, позже представляемые ученой или студенческой университетской аудитории. Несмотря на то, что в обществе преобладали юристы, его членами являлись физики, архитекторы, военные офицеры, торговцы – представители практически всех профессий.

Особое место среди членов всех клубов занимали пресвитерианские священники, являвшиеся ядром интеллектуальной жизни Эдинбурга, которые не просто были свидетелями драматических событий в Шотландии в 1740-е годы, но принимали в них непосредственное участие, а теперь, двадцать лет спустя, активно обсуждали результаты того, что уже становилось историей. Большая роль священников, выступавших, в отличие от французских просветительских аббатов, не только по вопросам, связанным с налогами и ролью религии, но в целом отстаивавшими свободную и открытую культуру, основанную на морали и умеренных религиозных принципах, также составляет одну из особенностей шотландского Просвещения.

Для пресвитерианских священников Шотландии было совершенно очевидно, что умеренная христианская доктрина является основой современного мира⁴, развитие и цивилизованность которого должны были теперь связываться не только с приличными манерами и следованием

⁴ *Herman*. 2001. P. 193.

моде в одежде и музыке. Теперь развитие цивилизации виделось как исторический процесс, в котором обретение обществом новых культурных рамок, включающих политику, мораль, образованность и понимание искусства, должно было корреспондировать с совершенствованием социальных отношений. Это делало людей свободными, расширяя сами возможности для того, чтобы социальная добродетель, объединяясь с просвещением, направляла общество по пути эволюции. Прогресс христианства, по мнению шотландских пресвитерианских священников, с одной стороны, отражал этот процесс общественной эволюции, а с другой, был его конечной целью. При этом залогом гармоничного сосуществования церкви и общества было изменение самой религии, и поэтому для шотландских священников уже начиная с 1750-х гг. жизненно важным представлялось поставить религию на путь обновления, что и породило феномен шотландского модератизма.

В десятилетие, последовавшее за Каллоденом, многие шотландские пресвитерианские священники, в новом интеллектуальном климате осознавая важность происходящих в англо-шотландских отношениях процессов, приходили к выводу о необходимости смягчения существующих в шотландском пресвитерианстве принципов. Этому способствовало и то, что, интегрируясь в британскую социальную систему, пресвитериане все чаще соприкасались с англиканами, в результате чего шотландское духовенство преодолевало свою интровертность, и то, что светская власть стала уделять больше внимания церкви, памятуя о том, что религиозный фактор был одним из важных элементов политических потрясений первой половины XVIII века. Решающим в возникновении модератизма стало появление плеяды служащих, и духовных, и светских, которые, с одной стороны, были прагматиками в своих политических воззрениях, а, с другой, были весьма сдержаны в религиозных взглядах. Модератизм не стал, однако, принципиальным отходом от законов кальвинистской церкви, в чем очень часто обвиняли его сторонников в XIX и XX вв., скорее, это был своеобразный компромисс, восходящий все к тому же стремлению инкорпорироваться не только в экономические структуры Британского королевства, но и создать основу для религиозного сотрудничества. Это была попытка заменить усердные проповеди с целью спасения и осуждение безнравственности более понятной и близкой смесью, включающей облегченный вариант проповеди и менее суровые требования соблюдения морального кодекса. Именно в этом процессе «модератизации» пресвитерианизма была решена простая арифметическая задача, обернувшаяся, однако же,

сложной моральной проблемой, в которой идея семи смертных грехов заменялась императивом десяти библейских заповедей.

Появление модератизма связано с работой Генеральной ассамблеи, высшего органа пресвитерианской церкви, которая традиционно собралась в мае 1751 г. в Эдинбурге. Разногласия, существовавшие уже на протяжении нескольких десятилетий по вопросу об отношении к закону о церковном патронаже 1712 г., согласно которому государство получало право вмешательства в церковные дела посредством назначения священников, вылились в настоящий скандал, поскольку часть консервативно настроенных пресвитериан никак не соглашалась признать легитимность этого акта. Другая половина участников собрания (среди них были эдинбургский адвокат и общественный деятель Гилберт Элиот Минто, Джордж Драммонт – некогда провост Эдинбурга, а возглавлял их Уильям Робертсон – в скором будущем ректор Эдинбургского университета) стремилась отстаивать более прагматичную позицию, гарантировавшую, что шотландская церковь станет частью британских легислатур. В итоге, на встрече в Линлизго накануне заседания Ассамблеи церкви была заложена основа того, что позже составит основу модератизма, умеренного крыла шотландского пресвитерианства.

Робертсону и его сторонникам – образованным юристам, членам «Избранного общества и городской интеллигенции, выражавшим просвещенное общественное мнение, противостояли консервативно ориентированные евангелисты, имевшие сторонников среди сельских конгрегаций и исповедовавшие концепт семи грехов и идею адских мук. Другой оппозицией модераторам были скептики от религии, включавшие английских деистов и некоторых примыкавших к ним шотландцев. Хотя с доктринальной точки зрения Юма следует отнести скорее к деистам, противостоящим модераторам, религия для него была частью той традиции, которая должна была сохранить национальную идентичность. Кроме того, большинство друзей Юма принадлежали к умеренным пресвитерианам. Наконец, тот факт, что в 1756 г. партия модераторов смогла добиться смягчения цензуры со стороны Генеральной ассамблеи в адрес Юма, свидетельствует, что если не доктринально, то концептуально, Юма и модераторов объединяло общее отношение к важным вопросам, волновавшим общество.

В 1756 г. умер преподобный Джордж Андерсон, наиболее влиятельный защитник традиционного пресвитерианизма, и Хью Блэр стал настоятелем собора Сент-Джайлса, главной пресвитерианской церкви Шотландии, что открывало возможности для распространения модера-

тизма. Пять лет спустя Уильям Робертсон занял пост ректора Эдинбургского университета, где Блэр получил также кафедру риторики. А вскоре, в 1768 г., Джон Уайтерспун, лидер евангелической партии, оппозиционной модераторам, получив приглашение занять место президента одного из колледжей Принстонского университета, отплыл в Америку, что, казалось, должно было сделать триумф модераторов неизбежным. Однако в 1750–1760-х гг. модераторы никогда не имели в Генеральной ассамблее большинство; дело было, скорее, не в количестве, а в качестве, поскольку среди модераторов были ученые, писатели, управляющие компаниями, административные чиновники – словом лица, наиболее инкорпорированные в британский правящий класс. С другой стороны, одновременно они же были и выходцами из крупных шотландских родов и принадлежали к шотландской элите. И уже в конце 1760-х гг. из более чем 90% номинальных приверженцев протестантизма в Шотландии осталось около 30% искренне преданных ему прихожан. Однако именно модераторы на протяжении второй половины XVIII – начала XIX в. составляли лицо шотландского пресвитерианизма в глазах образованной Европы. Валлийский путешественник Томас Пеннант, посетивший Шотландию в 1769 г., характеризуя здешних клириков, писал, что они представляют собой наиболее образованных представителей своей профессии и являют резкий контраст разъяренным, неграмотным и фанатичным священникам прежних времен⁵.

Но уже столетие спустя после своего появления, в середине XIX в., модератизм постепенно сходит с исторической сцены. Умеренное крыло пресвитерианства оказалось нежизнеспособным, очевидно, потому, что в период его возникновения начинается активный поиск собственного шотландского прошлого, и пресвитерианская церковь с ее строгими принципами, становится одним из символов, противостоящих в культурном плане англичанам. Модератизм выглядел здесь слишком большим компромиссом, и им следовало пожертвовать. Его критики, близкие к евангелизму, в XIX и XX вв. объявили его бедственным тупиком, обвинив в слишком мягкой позиции по отношению к правительству и в уклонении от обязанности служить оздоровлению нации. Быть может, самая большая заслуга модератизма была в том, что он действительно составил конкуренцию пресвитерианизму, который был не в состоянии предложить адекватный ответ на вызов модернизации рубежа XVIII и XIX вв., с ее бурными темпами урбанизации и массовыми ми-

⁵ *Allan*. 2002. P. 64.

грациями, и, как следствие, с недостатком доступа к социальным, религиозным и образовательным институтам, традиционно обеспечиваемым национальной церковью.

В то же время его возникновение и существование в течение целого столетия продемонстрировало те демократические тенденции, которые, будучи порожденными просветительскими идеями, существовали в Шотландии на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в., времени, когда на севере наиболее активно шла трансформация идентичности. Кроме того, с точки зрения интеллектуальных процессов в Европе это был один из первых случаев религиозной терпимости и модернизации самой церкви, которая под влиянием «отцов» модератизма, Уильяма Робертсона и Хью Блэра, вынуждена была отказаться от многих анахронизмов. Хотя модераторы и представляли относительно узкий слой, но это были адепты наиболее передовых европейских идей. В итоге, модератизм, несколько смягчив пресвитерианские принципы, адаптировал шотландский кальвинизм к требованиям времени, в перспективе способствовал обмену и взаимопроникновению английской и шотландской культур.

Пресвитерианская вера в «жизнь, прожитую полезно», была одной из духовных основ шотландского Просвещения, а в самой пресвитерианской церкви Шотландии развитие модератизма привело к появлению того, что сейчас известно под названием «социальное евангелие», где благополучие нуждающихся является столь же важным в миссии церкви, как и вечное спасение души через покаяние. Таким образом, в основе модератизма лежит идея связи религии и общества: тридцать девять из пятидесяти четырех председателей Генеральной ассамблеи пресвитерианской церкви между 1752 и 1805 гг. были умеренных взглядов, и в этом кроется причина мощного развития в Шотландии социального обязательства элиты и коллективного взаимодействия, стремящегося к сглаживанию социальных противоречий. Подобные модераторские представления сформировали особый шотландский, отличный от английского, взгляд на природу и сущность социального устройства и динамики общественного развития.

Вместе с тем, модератизм являлся типично просветительским течением – и с точки зрения отношения к прогрессу, и с позиций использования истории для объяснения формирования современной цивилизации. Идея прогресса определяла тот факт, что Дэвид Юм, как и многие другие его современники, такие как А. Фергюсон, и Дж. Миллар, усматривал в английской Славной революции движение к прогрессу, выделяя

три исторических этапа развития общества – «феодалная аристократия», «феодалная монархия» и «коммерческое правление», для последнего из которых была характерна «система свобод»⁶. Такое понимание эволюции Шотландии приводило к мысли, в которой все шотландские интеллектуалы были едины: в результате союза 1707 года Шотландия стала процветать – «общественная свобода с внутренним миром и порядком развивается без потрясений: торговля, мануфактура, сельское хозяйство расцветают: культивируются искусства, науки и философия. Нация является самой процветающей в Европе...»⁷.

Само возникновение модератизма, ставшего отличительной чертой шотландского Просвещения, было связано с вопросом об отношении к Англии, и к тем проблемам, которые союз породил. Давая интеллектуальный ответ на вызов, предлагаемый объединением, мыслители осознали, что религия всегда была важной составляющей национальной идентичности, и поэтому ее трансформация будет, с одной стороны, отражать уровень англо-шотландской интеграции, а, с другой, способствовать сближению. В этом смысле модератизм, бесспорно, был частью юнионистской интеллектуальной традиции.

Другим важной стороной интеллектуальной жизни, связанной с эволюцией религиозных представлений, были исторические идеи, которые приобрели особое значение для объяснения изменений, происходивших в Шотландии в просветительскую эпоху. В XVIII в., после того, как Шотландия вошла в состав Британского государства, шотландские интеллектуалы столкнулись с необходимостью объяснить историю англо-шотландских отношений, которая прошла долгий путь от кровавых столкновений периода англо-шотландских войн до объединения 1707 года. Юм, как и многие его современники, был носителем шотландской идентичности, изменявшейся в соответствии с политическими процессами на Британских островах. Но одновременно именно ему предстояло объяснить текущий процесс трансформации идентичности и встать у истоков новой юнионистской традиции, имевшей корни и в историческом сознании, и в изменившемся социокультурном контексте.

Юму, в отличие от многих его современников, было хорошо известно, что союз 1707 г. в равной степени расширял возможности шотландцев в сфере экономики и в конкуренции на колониальных рынках, а также защищал все то, что было им так дорого – жизнь, свободу и ответственность. Неожиданным открытием для Юма было лишь то, что шот-

⁶ Spadafora. 1990. P. 303–304.

⁷ Ibid. P. 308.

ландцы в своей повседневной жизни легко могут обходиться без привычных властных учреждений и, в первую очередь, без парламента. Вместе со своими коллегами по интеллектуальному цеху Юму предстояло познать все преимущества единого государства, которое стояло у истоков социальных и экономических перемен в Шотландии.

Юму не пришлось стать свидетелем того, как обсуждалась и принималась уния, однако на период его молодости пришлась пора якобитского движения, в результате подавления которого процесс объединения Англии и Шотландии стал необратим. Для многих шотландцев 1740-е гг. стали временем, когда решалась судьба их родины. Однако в равной степени справедливо и другое. Период между заключением договора 1707 г. и подавление последнего якобитского восстания 1745–1746 гг. в равной степени был и экспериментом, и приключением. Приключением, потому, что уния 1707 г., лишившая Шотландию традиционных политических легислатур, мало что оставила ей с точки зрения политических институтов, и никто в теперь уже единой Британии не задавался вопросом о том, как Шотландия будет управляться. Эксперимент же заключался в том, что подобного опыта формирования дуалистической нации в истории еще не было. Шотландия стала первой европейской нацией, которая одновременно получила защиту в лице сильного государства и сохранила свободу развития и колониальных инициатив. И последующее столетие доказало обоснованность этого эксперимента – шотландцы не только приумножили свои экономические богатства, но и сохранили чувство национальной идентичности.

Британия XVIII века была, по словам Джонатана Свифта, подобна «кораблю с двойным днищем», и основа этого дуализма была заложена унией. И хотя к середине Века Просвещения непосредственные положительные результаты унии еще были слабо ощутимы, у шотландцев, особенно в среде образованной элиты, сформировался концепт «долгосрочных результатов» союза. С точки зрения долгосрочной перспективы, как ее рассматривал английский экономист Джон Кейнс, «мы все мертвы», однако шотландцы были далеко не столь пессимистичны в оценках будущего. По мнению Дэвида Юма, те экономические сложности, с которыми нация столкнулась в середине XVIII в., компенсируются радужной долгосрочной перспективой союза с Англией. Именно категории долгосрочной перспективы, такие как «*со временем*», «*в целом*» и «*в равновесии*» стали излюбленными для просветительски настроенных шотландских философов. В гораздо большей степени, чем многим мыслителям из других стран Европы им была понятна сложная природа

современного государства, в основе которой переплетались представления о человеческой натуре и идеи общественного устройства.

Дэвид Юм принадлежал к тому второму поколению интеллектуалов, для которых англо-шотландское объединение представлялось неизбежным событием, лишней раз демонстрировавшим «разумность» истории. К 1740-м гг. коммерциализация Шотландии стала очевидна, и Глазго и Эдинбург были не просто вигскими городами, хранившими верность новой династии, но и экономическими и культурными центрами Шотландии, для которых связи с Англией были жизненно важны. И если поколение интеллектуалов первых десятилетий XVIII века, вроде Уильяма Питмеддена, должно было в борьбе отстаивать идеалы унии, то Дэвид Юм и близкие ему шотландские интеллектуалы должны были объяснять ее закономерность. Когда Уильям Робертсон в своей «Истории Шотландии» в 1759 г. написал, что «уния объединила две нации, создав единый народ и устранив различия, существовавшие на протяжении многих поколений...», он, тем самым, выражал идеи целого поколения шотландских просветителей.

Соотношение «английского», «шотландского» и «британского» в просветительских концепциях является важным свидетельством англо-шотландской интеграции, поэтому для понимания юнионистской традиции особо важным представляется не противопоставлять юнионизм и национализм, отношения между которыми были гораздо более сложными, чем это порой представляется на первый взгляд. Дискурс национальности, как и концепт провинциальности могли составлять часть юнионистской традиции, а мягкий национализм был чрезвычайно близок мягкому юнионизму в политической жизни шотландского общества. Это понимание юнионизма может, вероятно, объяснить как очень противоречивое отношение шотландцев к Англии, обострившееся в период дискуссий о заключении союза 1707 года и в первые полстолетия после принятия договора, так и современные дискуссии о шотландской нации.

Юм был одним из тех, кто сформировал историческое сознание шотландцев, в основе которого лежит смягченный юнионизм, включающий представление о том, что быть шотландцем означало одновременно быть британцем. В интеллектуальной жизни XVIII и XIX вв. унии и шотландской национальности уделялось не очень много внимания. Шотландское Просвещение, озабоченное, главным образом, вопросами моральной философии, а также проблемами взаимоотношений государства и общества, не слишком концентрировалось на идее национальной идентичности, и это «молчание» является красноречивым сви-

детельством того, что юнионистская традиция была полностью усвоена шотландскими интеллектуалами. Молчание подобного рода является показателем жизненности «банального юнионизма» – британцы предпочитали сохранять амнезию по поводу прошлого частей, вошедших в состав единой Британии. Свидетельства этого юнионизма сохраняются в исторической и в политической культуре Британии и по сей день.

При этом юнионистские сентименты вовсе не отрицали критицизма по отношению к Англии, принимавшего часто не только дискурсивные, но и реифицируемые в повседневных практиках формы. Юм, подобно многим своим современникам, опровергал представление об англо-шотландском объединении как шагом на пути к «английской империи». Результатом такой критики порой становилась англофобия, и тогда лояльный юнионизм оборачивался столь же лояльным национализмом. При этом в обоих случаях предметом лояльности была Британия. И в этом смысле Дэвид Юм в равной степени выглядит и юнионистом, и националистом. Мыслитель, который был сторонником не просто унии, но поддерживал происходившую англизацию Шотландии, критиковал непросвещенных «варваров, которые населяли берега Темзы»⁸, за то, что они находятся в плену у опасной политической мифологии и не извлекают уроков из просветительской философии.

Из этой борьбы юнионизма и национализма проистекает и то чувство неприятия, с которым шотландцы сталкивались в Лондоне. Юм писал своему другу Гилберту Элиоту в 1764 г.: «Некоторые ненавидят меня, потому что я не виг, другие – оттого, что не христианин, и все – потому что я шотландец. Можно ли серьезно говорить, что я стану англичанином? Я или Вы – англичане? Будут они нас считать англичанами?»⁹. Но Юм, одновременно, был тем человеком, который сказал: «Лондон – столица моей страны», и иронизировал по поводу шотландского провинциального происхождения. Тоска по древнему прошлому была широко распространена и в литературных кругах, и среди землевладельческих классов, представители которых посылали своих детей учиться хорошим манерам и речам в университеты Англии, для того, чтобы у тех была возможность сделать карьеру все в той же Англии. Конечно же, такие люди не могли со временем не стать англичанами.

Юм, который много внимания уделял вопросу об особенностях шотландцев, писал, что не стоит извиняться за то, кем мы являемся, и за то, что стремимся быть похожим на соседа, который хорошо говорит и

⁸ *Hume*. 1932. Vol. 1. P. 436.

⁹ *Smith*. 1996. P. 109.

пользуется при еде ножом, ставя тем самым проблему *шотландскости*, ее визуальных и сущностных отличий. По его мнению, разделяемому современниками, для определения шотландскости было необходимо чувство места, истоков. Так же как чувство метрополии, космополитическое чувство, по мнению современника Юма Генри Маккензи, обманчиво, местное, природное ощущение – истинно.

Проблема языка, на котором писали и говорили образованные шотландцы, была одной из самых важных. Исходя из высокой степени англизации шотландской элиты, многие говорили даже о несамостоятельности шотландского Просвещения, используя при этом концепт английского «культурного империализма», под влияние которого будто бы попала Шотландия. Однако в реальности «быть британцем» вовсе не означало «не быть шотландцем», а англизация в некоторых случаях даже способствовала сохранению чувства *шотландскости*. Один из основоположников и лидеров раннего шотландского Просвещения лорд Кеймс еще и в 1780-е гг. продолжал говорить, используя шотландский язык, а поэты, такие как Алан Рамсей или Роберт Бернс, в равной степени использовали и шотландский, и английский языки в зависимости от ситуации и контекста. Шотландцы стали носителями английского языка и культуры, оставшись, одновременно, каледонцами и забывая, порой, о своих традиционных корнях, лишь в том случае, когда *британскость* становилась более выгодной. Сам Юм легко сознавался в превосходстве английской культуры, анализируя ее и будучи способен управлять ею так, чтобы она не противоречила культуре шотландской. Такая перспектива его не пугала, поскольку он сознавал ее выгодность для процветания Шотландии, а потому и в Англии, и в Шотландии шотландцы должны были чувствовать себя как дома. Такой подход способствовал распространению и европейской известности произведений шотландских просветителей, написанных на английском языке.

«Банальный юнионизм», основа которого была заложена Юмом и близкими ему шотландскими просветителями, наиболее полно способен описать историческую культуру Британии после парламентского объединения, породившего сложную проблему совмещения национализма и юнионизма. Используя термин «банальный национализм», чаще всего имеют в виду такой национализм, который настолько явен, что не нуждается в демонстрации, и такая форма национального сознания присуща стабильно существующим нациям-государствам, в которых идея нации не подвергается угрозе, а принадлежность к ней не оспаривается ни властями, ни гражданским обществом, а потому и не требует дополнитель-

ной артикуляции. «Банальный юнионизм» имеет столь же общественное, сколь и исследовательское значение, и при этом содержит в себе несколько уровней. Наиболее явный – это юнионизм, связанный с осознанием очевидных благ, которые Шотландия получила в составе Великобритании. Это представление было характерно для Юма, поскольку блага вхождения Шотландии в состав Британии были понятны уже в 1750-е годы. Но был и другой, более глубокий уровень амнезии, связанный с «банальным юнионизмом». Некоторые шотландцы предпочитали отбросить идею *шотландскости*, порой, даже мультинациональную сущность британского единства. Одним из них также был Юм, который считал себя англичанином и свою историю Великобритании превратил в «Историю Англии». Молчание, которое хранил Юм и многие его современники и потомки о прошлом Шотландии, является наиболее ярким свидетельством живучести юнионистской традиции.

Заложенная Юмом идея юнионизма и мягкой лояльности, сочетавшей национализм и юнионизм, стала фактором современной шотландской интеллектуальной культуры, в которой идея концентрической лояльности сказывается на уровне историописания и массового сознания. По мнению Т. Смаута, шотландского королевского историографа, Шотландия – древняя нация-государство, рожденная в боях за независимость XIV века, разбавленная униями 1603 и 1707 гг. и произведшая яacobитские волнения¹⁰. В более широком британском контексте исследование Тома Нэйрна «Распад Британии» наиболее авторитетно¹¹. С марксистских позиций, вводя новые категории, он объясняет этот распад волной модернизации, в которой чужеродная буржуазная интеллигенция повсюду в Европе разрушала древние монархии и способствовала, одновременно, рождению националистических чувств. Однако к шотландцам это относится лишь в незначительной мере, так как они являются, скорее, субъектом, а не объектом этого процесса, поскольку северную Британию вряд ли можно считать объектом английского воздействия, но скорее – частью агрессивно развивающегося центра, а значит частью метрополии, а не периферии. Шотландский торговый класс, пользовавшийся благами империи, процветал на протяжении двух столетий, и только в первой половине XX века, когда стали ощутимы центробежные тенденции, а империя начала клониться к закату, в среде шотландской буржуазии начали формироваться националистические чувства и сепаратистские настроения.

¹⁰ *Smout*. 1989. P. 1.

¹¹ *Nairn*. L., 1977.

Думается, прав Энтони Смит, один из наиболее авторитетных современных теоретиков национализма, критикующий Тома Нэйрна с нескольких позиций. По его мнению, современные шотландцы считают себя британцами, как, например, каталонцы – испанцами, и это не просто является демонстрацией лояльности. Хотя Э. Смит напрямую не говорит этого, но очевидно, что современный этнический национализм является логическим «продолжением старого национализма», то есть акцентируется внимание на исторических корнях культуры и этноса. Смитовская идея «концентрированной лояльности» представляет собой своего рода «латентный национализм», по содержанию близкий тому, основу которого заложил Дэвид Юм, никогда не писавший о полной, завершенной интеграции Англии и Шотландии.

При этом ни Т. Нэйрн, ни Э. Смит не изучали ситуацию и язык XVIII – начала XIX века, а также то, что сами шотландцы думали о своей идентичности. Нигде в Европе национальная идентичность не была выражена столь полно, как в Шотландии, хотя никто из «элитарных» носителей этой идентичности – ни Дэвид Юм, ни Александр Карлайл, ни братья Адам, ни Босуэлл, ни Алан Рамсей, никогда не предпринимали политических действий для реализации этой идентичности, несмотря на то, что массовый дискурс был пропитан националистическими настроениями. И тем сложнее была задача интеллектуалов, которые должны были национализм превратить в юнионизм, притом, что есть масса свидетельств об отношении к англичанам и Англии, которые действительно могут быть истолкованы как националистические¹².

Большая часть шотландцев чувствовали себя одновременно и шотландцами, и британцами. Но вот англичанами шотландцы себя не ощущали никак. Если Шотландия была *провинцией*, или *нацией* (шотландцы использовали оба термина), Англия, считали они, была другой провинцией или нацией. И с Англией они объединились как с равным партнером. Шотландцы очень редко соглашались с тем, что они стали объек-

¹² Целый ряд фактов свидетельствует о распространении националистических настроений в Шотландии и во второй половине XVIII в В частности, Томас Мур в его «Мемориалах Шотландии», написанных во Франции в 1797–1798 гг., описывает унию 1707 г. как обман (Бернс или Босуэлл могли бы с этим не согласиться, но не сделали этого), правление Вестминстера как давление и гнет Англии, а Шотландию как добивающуюся свободы и независимой республики (*Meikle*. 1912. P. 174–176.), а Джеймс Томпсон в памфлете, изданном в 1792 г., рисует механизм «нашего южного мастера, пытающегося извлечь быструю выгоду из производства нашей страны в интересах своих собственных» и рассматривает шотландскую историю XVIII в. в терминах завоевания и подчинения враждебной нации (*Brimes*. 1987. P. 264).

том объединения и управления, младшим партнером, ведóмым более богатым, и, возможно, более сильным южным соседом. Как написал Александр Веддербурн в «Эдинбургском обозрении» в 1756 г.: «Северная Британия может быть описана как молодое государство, ведóмое и поддерживаемое сильной родственной страной»¹³.

Англичане были просто королевством, одним из нескольких, в составе Британии. Шотландцы другая ее часть, и, соответственно, они имеют право на такие же собственные институты, что и англичане, например, на собственную милицию, борьба за которую развернулась в 1760-е гг., и активное участие в этом движении принимал Фергюсон, написавший свои, пожалуй, самые националистические строки: «Черен будь тот день, когда Шотландия связала себя Унией с Англией»¹⁴.

Но парадокс в том, что с точки зрения англичан, Британия – это, прежде всего, Англия, в то время как шотландцы не считали, что Британия – это Шотландия. Для выходцев из Шотландии, визиты в Лондон в 1740–60 гг. порой оборачивались крахом их лояльности. Босуэлл описал случай, свидетелем которого он стал в Ковент-Гардене в 1762 г., когда толпа с улюлюканьем гналась за двумя шотландскими офицерами, одетыми по-хайлендерски, и вопила: «Нет шотландцам! Нет шотландцам! Прочь отсюда!». «Я ненавидел англичан; я желал изгнать из моей души память об Унии, и чтобы мы могли им дать еще одно сражение у Бэннокберна»¹⁵. Но, обладая, как Юм и другие интеллектуалы, двойной идентичностью, Босуэлл однажды мог написать: «Я согласен с нашей любовью к Стюартам», а в другой раз – «В душе я люблю Великого Георга, нашего короля»; сначала – «Я шотландский лэрд и я шотландский юрист, и женат я на шотландке. И это не должно оспариваться», а потом – я «англичанин по образу мысли»¹⁶.

Для шотландцев класса, выходцами из которого были Юм и Босуэлл, уния действительно предоставила значительные возможности, а для высшего класса – еще и участие в управлении, блестящие примеры чего являли такие политики, как Дандас и Аргайл. Служба на гражданских должностях, в армии, на флоте, в Англии и в колониях предоставляла возможности личной реализации. И шотландцы использовали их. Государство же в их построениях предстает не как реально существующее, а как модель, андерсоновское «воображаемое сообщество», в рам-

¹³ Edinburgh Review, 1755–56, preface.

¹⁴ Smout. 1989. P. 6.

¹⁵ Smith. 1996. P. 113.

¹⁶ Smout. 1989. P. 8.

ках которого процветает нация. Многие интеллектуалы верили, что прошлое их страны связано с варварством и разложением. Для Юма и Робертсона события до 1688 г. были временем «феодального мрака и анархии». Политический национализм вряд ли мог появиться там, где элиты так смотрели на свое прошлое, и в этом заслуга просветительски настроенных шотландских интеллектуалов, которые создали идеологическую основу британскому единству, породив, одновременно, «нацию без ее истории». Лишь в постпросветительской Шотландии появится Вальтер Скотт, который вместе со своими сподвижниками «создаст» историю шотландской нации, романтизированную, полную патриотических символов, но укорененную в идеях просветителей¹⁷.

Благодаря Просвещению шотландское чувство национальной идентичности в XVIII в., хотя и было достаточно сильным, но, за исключением редких (как правило, спровоцированных) случаев, не являлось антианглийским. Это была концентрическая лояльность, не противостоящая британской идентичности, а пытающаяся найти в ней свое место. И даже радикальное движение 1790-х гг. было связано с попыткой демократизации общества путем расширения патриотического дискурса: подчеркивалось, что благодаря унии Шотландия приобщилась к достижениям английского демократического прошлого и стремится адаптировать британские свободы. Благодаря Юму и его сподвижникам, последовательно доказывавшим, что сущность человека заключается в том, чтобы освобождаясь от мифов, в том числе и навязанных историей, видеть мир таким, каков он есть, шотландцы конструировали новую мифологию, отличную от той, которая была характерна для подавляющего большинства европейских государств-наций. В их исторических построениях Арбродская декларация не упоминается не только потому, что большинство из них были убежденными англофилами, но и оттого, что историю они рассматривали в современном им контексте, где уния Англии и Шотландии была проявлением рациональности мира *Modernity*. В этом процессе становления современного мира, верил Юм, Шотландии отведено особое место. Сказав однажды, что «свобода есть совершенство гражданского общества», он верил и в то, что «власть должна быть признаваема уже в силу своего существования». В этом парадоксе, очевидно, заключено и отношение к свободе Шотландии, которая может существовать лишь в границах британского могущества, задающего прогрессу и направление, и границы.

¹⁷ В этом смысле в Шотландии грань между Просвещением и Романтизмом была, как нигде в Европе, зыбка. Об этом более подробно см.: *Апрыщенко*. 2008.

Знаковых фигур шотландского Просвещения не стало в течение двух десятилетий. Дэвид Юм умер первым, в августе 1776 г., шесть лет спустя в возрасте восьмидесяти шести лет скончался лорд Кеймс, затем, в 1790 г. – Адам Смит, через два года – Роберт Адам, а еще через год – его брат Уильям. Босуэлл умер в 1795 г., а Томас Рейд – в 1796 г. К этому времени шотландский юнионизм был уже никем не оспариваем, превратившись в господствующую идеологию не только интеллектуальной, политической и экономической элит, но став частью массового сознания. Даже когда в 1790-е гг. в Шотландии произошел всплеск радикального движения, националистическая риторика практически не использовалась. Шотландия после просветителей не нуждалась в том, чтобы ее убеждали в правильности выбранного в 1707 г. пути.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Апрыщенко В. Ю.* От Просвещения к романтизму: шотландская антикварная традиция и поиски национального прошлого // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2008.
- Allan D.* Scotland in the Eighteenth Century. L., 2002.
- Anderson R. D.* Educational Opportunity in Victorian Scotland. Oxford, 1983.
- Brimes J. D.* The Scottish “Jacobins”, Scottish Nationalism and British Union // Scotland and England, 1768–1815 / Ed. by R. Manson. Edinburgh, 1987. Edinburgh Review, 1755–56.
- Herman A.* How the Scots Invented the Modern World. N.Y., 2001.
- Hume D. to rev. Hume Blair, 26 April 1764 // The letters of David Hume / Ed. by J. Y. T. Greig. Oxford, 1932.
- Meikle H. W.* Scotland and the French Revolution. Glasgow, 1912.
- Nairn T.* The Break-up of Britain. L., 1977.
- The Register of the Privy Council of Scotland / Ed. by J. H. Burton. 14 vols. Edinburgh, 1877–1898.
- The Acts of the Parliaments of Scotland / Ed. by T. Thomson, C. Innes. 12 vol. Edinburgh, 1814–1875.
- Smith J. A.* Some Eighteenth-Century Ideas of Scotland // Scotland in the Age of Improvement. Edinburgh, 1996.
- Smout T. C.* Problems of Nationalist Identity and Improvement in later Eighteenth-Century Scotland // Improvement and Enlightenment / Ed. by T. M. Devine. Edinburgh, 1989.
- Spadafora D.* The Idea of Progress in Eighteenth-Century Britain. New Haven-L., 1990.
- Апрыщенко Виктор Юрьевич*, доктор исторических наук, заведующий кафедрой Новой и Новейшей истории исторического факультета Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); vimas@mail.ru